

Надзея Абрамава. 1956 г.

Бачына трэцяя «ВАШАЯ ДЗІНА...»¹

Жыццё й лёс Надзеі Абрамавай, заснавальніцы й адной з кіраўнічак Саюзу Беларускае Моладзі, — тэма спрэчак гісторыкаў ды фантазіяў біёграфай. Вось і ва ўспамінах ейнае сучасьніцы, паплечніцы, чалавека *a priori* абазнанага, Вэранікі Катковіч, чытаем:

Што сталася з доктар Абрамавай, я дакладна ня ведаю. Яна ўзяла на выхаваньне зь сірацінца дзяўчынку, бо сваіх дзяцей ня мела. Яе муж загінуў з рук бальшавікоў. Яе бацька быў мастаком у Менску. Др. Абрамава ўступіла ў кляштар у Мюнхэне, а яе дзяўчынку, казалі, партызаны адабралі і ўтапілі ў возеры².

Такая напаяўпраўдзівая інфармацыя з бэлетрыстычных успамінаў лёгка пераходзіць у камэнтары, набываючы тым самым вэлюм навуковасьці, але захоўваючы тыя самыя памылкі³.

Іншая рэч, што пра яе, Надзею Абрамаву, сапраўды небагата матар'ялаў: згадкі ды «камэнтаровая» біяграфія ў працы А. Салаўёва пра БЦР⁴, у кнігах

¹ Публікацыя сталася магчымай дзякуючы архівам і дапамозе найперш спн. Яніны Каханоўскай, Юліі Андрусышынай і Галіны Руднік, а таксама сп. Антона Шукелойцы, др. Янкі Запрудніка й др. Вітаўта Кіпеля. Разам з тым, названыя асобы не нясуць ніякай адказнасьці за зьмест гэтае публікацыі.

² Анеля Катковіч, Вэраніка Катковіч—Клентак. Успаміны. Беласток, 1999. С. 85.

³ Тамсама. С. 114.

⁴ А. К. Соловьев. Белорусская Центральная Рада. Минск, 1995. С. 144—145.

Ю. Туронка⁵ ды А. Кавалені⁶. Можна яшчэ згадаць адмысловую кнігу В. Раманоўскага⁷, — бадай, гэтым сьпіс вычэрпваецца. Нават нешматлікія ўспаміны эмігрантаў пра СБМ — успаміны «мужчынскія»⁸.

Так, дакумэнтаў пра жыцьцё Н. Абрамавай не стае. Фактычна іх няма. Таму ў пошуках зьвяртаецца да сьведкаў, што, як бачна на прыкладзе В. Катковіч, не гарантуе ні ўсеахопнасьці, ні дакладнасьці інфармацыі, аднак прынамсі кладзе пачатак напісаньню біяграфіі чалавека. Асабліва эмігранта, чалавека пакручастага лёсу. Углядаючыся ў такія лёсы, мы пераконваемся, што жыцьцё народу залежыць ня толькі ад прысудаў, здавалася б, усемагутнае ўлады, — самі людзі могуць выбіраць свой шлях. Нават у часы дыктатуры застаецца пэўная ступень свабоды для ўласных учынкаў, якія — пры ўсёй сваёй мізэрнасьці, «лякальнасьці», — стаўшыся гісторыяй, могуць значаваць самую Гісторыю.

Менавіта для вывучэньня біяграфіяў людзей, факталягічны бок жыцьця якіх дасьледнікам неведомы, у 1920-х гг. быўвынайджэны так званы *біяграфічны мэтад* (Чьжагская школа, Т. Томас ды інш.⁹), што да сёньня выкарыстоўваецца ў розных сацыяльных навукх. Моцны бок таюга мэтаду, яго каштоўнасьць — інфар-

⁵ Юры Туронак. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., 1993.

⁶ Аляксандр Каваленя. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941—1944. Вытокі. Структура. Дзейнасьць. Мн., 1999.

⁷ В. Раманоўскі. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мн., 1964.

⁸ Ул. Г—кі. Успамін // Беларуская думка (Саўт Рывэр). 1994. №39. С. 28—30; Ул. Гарэлік (Латушкін). Успаміны пра арышт кіраўнічага штабу СБМ вясной 1944 г. // Беларус. 2000. №466. Студзень.

⁹ P. Thompson. Voice of the Past. Oxford, 1988; Life and Work History Analyses: Qualitative and Quantitative Developments. London—New York, 1991.

мацыя зь першых рук; асноўная крыніца — успаміны, асабістыя дакументы (лісты, дзёньнікі, аўтабіяграфіі, фотаздымкі)¹⁰.

Антон Шукелойць, чалавек, які ўжо сам па сабе — гісторыя, спадарыні Яніна Каханоўская, Юлія Андрусышына дапамагаюць рэканструяваць — хоць бы збольшага — падставы жыццярысу Абрамавай.

Марыя Надзея Абрамава—Тэадаровіч нарадзілася ў красавіку 1907 г. пад Менскам у сям’і беларускага мастака, фотамайстра Аляксандра Аляксандравіча Абрамава—Сушынскага¹¹ і Адэлі. Маляваньне іконаў на продаж (пакупнікамі звычайна былі нямецкія жайнеры) дапамагло бацьку пратрымацца ў часы акупацыі ў Першую Сусьветную. (Нашмат пазьней, ужо ў Нямецчыне, ён расьпіша іканастас у царкве на вуліцы Рэнтгэн у Мюнхэне, якой Н. Абрамава ахвяруе ўсе свае грошы.) У Менску сям’я жыла спачатку на вуліцы Ўнівэрсытэцкай, потым на вуліцы Камсамольскай. Пасьля заканчэньня сярэдняе школы далей вучыцца Н. Абрамавай не далі: ейны бацька быў ня толькі мастаком, а чалавекам заможным, уладальнікам маёнтку, «памешчыкам». У 1920—я гг. яна працавала ў Наркамаце Адукацыі, куды яе разьмеркавалі па сканчэньні 2—гадовых курсаў стэнаграфіі. Гэтая праца дала ёй магчымасьць здабыць вышэйшую асьвету: супалу чаючы працу з навучаньнем, яна наведвала вечаровыя курсы Менскага Пэдагэгічнага інстытуту.

¹⁰ Аўтар ужо рабіў спробы стасаваць біяграфічны мэтад у «Архіўнай кнізе» (Нью Ёрк, 1997), «Зацёмках на маргінэсе найноўшае гісторыі» (Запісы БНІМ. №24. Нью Ёрк, 1999. С. 88—235).

¹¹ Не зусім яшчэ зразумелая гісторыя з прозьвішчамі. Напрыклад, на могілках у Мюнхэне пазначаныя тры прозьвішчы: Абрамаў—Лушчынскі—Тэадаровіч.

На двух апошніх курсах навучання Н. Абрамава распачала даследніцкую працу ў галіне фізіялёгіі цэнтральнае нервовай сістэмы. На падставе ўласных даследаў рэфлекторнасьці яна атрымала званьне навуковага асыстэнта й працу ў адной з двіццачых клінік.

Па сканчэньні Пэдінстытуту, у 1930—я гг. Н. Абрамава атрымала яшчэ адную вышэйшую адукацыю — скончыла Менскі Мэдычны Інстытут. З гэтага часу яна працавала ва ўнівэрсытэцкай псыхіятрычнай клініцы.

З пачаткам вайны Надзея Абрамаву як доктара мабілізавалі й накіравалі ў Глыбокае. У часе нямецкай акупацыі працягвала працу ў псыхіятрычнай клініцы ў Менску, якую пераабсталявалі ў хірургічную лякарню.

Асабістае жыцьцё Абрамавай складалася таксама няпроста. Яна ніколі ня выйшла замуж. Адзіны чалавек, якога кахала, — Юліян Дзьмітрыевіч Каралёў, 1903 году народжаньня, сваяк сям’і Шабуняў—Кахановіч—Андруськіх. Ён зь маленства быў хворы: запущаная хвароба вушэй яшчэ дазваляла скончыць гімназію, але на ўнівэрсытэт сілаў і здароўя ўжо не ставала. Да таго ж Ю. Каралёў для савецкай улады таксама быў «падазроны»: ягоныя дзед і бацька былі пракурорамі ў царскай Расеі; таму адукацыю здабываў самастойна, вывучыў замежныя мовы. Пры бальшавікох працаваў на Балотнай станцыі, пры немцах — перакладчыкам у Генэральным Камісарыяце.

Зблізіла Абрамаву й Каралёва прыхільнасьць да царквы, куды яны хадзілі ці ня штодня, разам наведвалі службы, разам вялі доўгія гутаркі, да чаго далучаўся менскі сьвятар Кіркевіч.

Вайна — тая падзея, якая зьмяніла ўсё жыцьцё Абрамавай. Агульнавядомы факт зь ейнае біяграфіі: Надзея Абрамава ўзначаліла Саюз Беларускае Моладзі.

Аднак аказваецца, гісторыя СБМ пачынаецца не з загаду Кубэ 1943 году пра стварэнне такой арганізацыі.

Саюз Беларускай Моладзі быў створаны Абрамавай без аніякіх пастановаў з боку акупацыйных уладаў (нават насуперак — існавала забарона на стварэнне арганізацыяў), на ўласную ініцыятыву і значна раней: не пазьней за 1942 г.

Гэты факт нідзе не зафіксаваны, нікому не вядомы. І тым ня менш існуе доказ: фотаздымак, на адваротным баку якога пазначана: *1942. Пачатак Саюзу Беларускай Моладзі*¹². Так, СБМ, створаны Н. Абрамавай у 1942 г. (а па звестках А. Шукелойцы нават раней, у 1941 г.), і той, што яна ачаліла разам з М. Ганьком у 1943 г., — розныя, найперш паводле маштабаў. Аднак паводле духу — і тая, і другая арганізацыі мелі выразна беларускі патрыятычны характар.

Чаму пра існаванне СБМ яшчэ ў 1942 г. не было вядома? Думаецца, адна з асноўных прычынаў — асыярожнасць, бо за несанкцыяваную арганізацыйную працу акупацыйныя ўлады каралі надта сурова. Таму гэтая арганізацыя знайшла сабе прытулак у Праабражэнскай праваслаўнай царкве, у якой служыў сьвятар з Ашмяншчыны, з Гальшанаў, Уладзімер Фінькоўскі. Гэта была першая ў Менску царква, якая зноў адчынілася пасля ўцёкаў бальшавікоў; пазьней там жа служыў і ўладыка Філафей.

Варта адзначыць таксама, што праца Н. Абрамавай у 1941 г. дзеля стварэння беларускіх нацыянальных моладзевых арганізацыяў — не адзіны прэцэдэнт такое дзейнасці: падобныя арганізацыі паўставалі ў Вялейцы, у Баранавічах, у Глыбокім — пра

¹² У 1942 г. пры БНС быў створаны аддзел беларускае моладзі, кіраўніцаю яюга стала Н. Абрамава. Магчыма, гэтым і тлумачыцца змест надпісу на фотаздымку (заўв. рэд.).

гэта гаворыць А. Шукелойць, які асабіста наведваў іх. А ў 1943 г. адбылося ўтварэнне вядомага нам сёння СБМ, удзел у якім ва ўспрыняцці большавікоў быў адным з найбольш цяжкіх злачынстваў у гады вайны.

З наступам саветаў Абрамава эвакуавалася разам, у адным вагоне, з бацькамі й прыёмнай дачкой¹³, зь Ю. Каралёвым і ягонаю маці, Волгай і Мікалаеўнай, — спачатку ў Тропаў¹⁴, потым у Прагу. Але маці Каралёва настойвала на тым, каб сын разам зь ёй вярнуўся дамоў. А Абрамава ў 1945 г. пераехала ў Нямеччыну, у Мюнхэн. Потым, на працягу даўгіх гадоў, Ю. Каралёў ня раз дакараў сваю маці, што празь яе пазбавіўся адзінага шанцу стаць шчаслівым. Ажаніўся ён ужо па вайне; памёр у 1993 г.

З таго часу, ад першых гадоў бежанства, у Абрамавай пачала расьці крыўда на кіраўніцтва БЦР, што не ратавалі яе, ейных дзяўчат з СБМ, зь якімі разам беглі зь Менску; што не спрабавалі схаваць, хоць

¹³ Як ўспамінае А. Шукелойць, падчас вайны ў Менску існавала каля 10 дзіцячых прытулкаў, разьдзеленых па канфэсіях, — каталіцкіх, праваслаўных, баптысцкіх, якімі кіраваў сп. Рапэцкі, бацька вядомага сёння беларускага дзеяча Ю. Рапэцкага. У гэтых прытулках было багата габрэйскіх дзяцей: бацькі выпускалі іх з гэта, скіроўвалі ў цэрквы й касьцёлы — удзень сьвятыні былі напоўненыя імі. З прытулкаў дзяцей пазьней адвозілі ў беларускія мястэчкі. А. Шукелойць, прыкладам, адвозіў іх у Вялейшчыну, дзе імі апекавалася ягоная сяброўка з унівэрсытэту Ганна Сухая, інжынэр-аграном, якая працавала школьным інспэктарам. Некаторыя зь дзетак, старэйшага ўзросту, ведалі, што яны — габрэі, і па вайне вярталіся да сваёй культуры. Але нямала было й такіх, каго выратавалі немаўлятамі, і тыя ніколі не даведаліся пра свае карані. На думку сп. - Шукелойця, Тамара (1940—59), дачка Н. Абрамавай, была адной з такіх.

¹⁴ Цяпер Опава (Orava) на тэрыторыі Чэхіі.

ведалі: за Абрамавай палявалі як мала за кім. Яна была вымушаная з бацькамі хавацца ў жаночым каталіцкім кляштары. Удзячнасьць Абрамавай была такая вялікая, што яна, праваслаўная, не пераходзячы ў іншую канфэсію, усё далейшае жыццё лучыла з Каталіцкім Касьцёлам і каталіцкімі сьвятарамі¹⁵.

Жыццё Н. Абрамавай у Нямецчыне падаецца яшчэ больш загадкавым ды прывідным. Тут нават сьведкаў няма. І ўсё ж удалося адшукаць публікацыі — праўда, у зусім нечаканых месцах, — якія даюць падставы для рэканструкцыі падзеяў. Вось як у артыкуле прататэрэя Д. Канстанцінава «На религиозные темы»¹⁶:

Первые книги, посвященные послевоенному положению религии и, в частности, Православной церкви в СССР, начали появляться в началешестидесятых годов. Первой ласточкой стал сборник «Православная церковь в СССР», подготовленный Мюнхенским институтом по изучению СССР. Написанный рядом авторов института, он в последний момент был передан в мюнхенское издательство ЦОПЭ, которое и выпустило сборник. Передача произошла, по всей видимости, потому, что тон книги не совсем устраивал в то время администрацию института, шедшего в русле политики Вашингтона.

Уже тогда в Западной Европе появился наш надежный союзник, принявший активное участие в издании указанного сборника. Мы имеем в виду постоянную научную сотрудницу Мюнхенского института Надежду Александровну Теодорович, начавшую выпускать ежемесячный журнал «Религия и атеизм в СССР». Пока журнал выходил в рамках института и

¹⁵ Верагодна, гэта й стала падставаю для пазьнейшае легенды пра сыход Н. Абрамавай у кляштар (заўв. рэд.).

¹⁶ Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1979. 28 апреля.

за яго счёт, всё шло благополучно. Н. А. Теодорович собрала огромный исследовательский материал о положении религии в СССР, который, к сожалению, не смогла полностью использовать, настолько он был велик. Но в самом начале семидесятых годов институт закрыли... Деятельность института полностью свернулась и остался лишь журнал «Религия и атеизм в СССР».

Мы много пишем об удивительном выживании веры в Бога, с которой власть ничего не может сделать за 60 с лишним лет. Но мюнхенский пример тоже весьма характерен. Институт закрыт, всё разрушено во имя очередного изгиба политики Вашингтона, а единственный религиозный журнал сохранился. Его взяла на свои слабые плечи Н. А. Теодорович и продолжала выпускать на свой собственный страх и риск. Вначале было бесконечно трудно. Но постепенно к ней на помощь начали приходить немецкие церковные круги — и католические, и протестантские. В конце концов Н. А. Теодорович добилась такого положения, при котором ее журнал получил скромную материальную базу, достаточную для ежемесячного выпуска на двух языках: немецком и русском. Насколько мне известно, средства были очень невелики, но тираж мало-помалу увеличивался, и о действительности журнала свидетельствовало недовольство Москвы: «Религия и атеизм в СССР» не раз упоминался во всякого рода советских изданиях.

Все эти годы я поддерживал живую и постоянную связь с Н. А. Теодорович. Не всегда я был согласен методами журнала, но это нисколько не мешало сохранению теплых и дружеских взаимоотношений. Прodelала она огромную и сложную для её возраста работу, несомненно, приносящую должный

эффект. Немецкий вариант журнала просветил немало людей Запада, дав им подлинную картину происходящего в СССР.

Деятельность Н. А. Теодорович не осталась бесплодной в смысле положения верующих в самом Советском Союзе. Её журнал пробудил к жизни ряд аналогичных изданий, усилил активность верующих, особенно баптистов.

18 февраля 1979 г. Н. А. Теодорович скончалась. В одном из своих последних писем она сообщила мне, что лежит в клинике на исследовании, потому что «стала чахнуть». Что-то случилось с печенью — не то цирроз, не то воспаление. Развилась анемия. Результаты обследования не показали ничего опасного, поэтому Н. А. решила продолжать издание журнала, хотела найти себе помощь и частичную замену. Тем не менее, приблизительно через месяц её не стало.

Отрывок из письма, написанного ею друзьям в США: «Только что вернулась с ежегодного конгресса «Гонимая Церковь». Вернулась предохлая. Недели три тому назад заболела ангиной, да такой, что пришлось прибегнуть к инъекции пенициллина. А он дал аллергию, а аллергия вызвала анемию. Ходила едва-едва. Качалась. На конгрессах обычно была активной и многоречивой. А в этот раз — сразу от заседаний — в постель, и спала, спала до следующего заседания». Н. А. Теодорович была по образованию врач с большой практикой, поэтому прекрасно понимала, что происходило с нею.

«Религия и атеизм в СССР», очевидно, выйдет перестанет. Перестанет тревожить тех, кому он достаточно насолил. Ушел из жизни человек, глубоко верующий, преданный Церкви, человек, отдавший

почти всю свою эмигрантскую жизнь бескорыстной борьбе соинствующим московским богоборчеством. Не стало еще одного центра борьбы с атеизмом.

Час, аддадзены працы ў Інстытуце для Вывучэння СССР у Мюнхэне, у выданнях якога змяшчалі свае працы такія вядомыя беларускія дзеячы, як А. Адамовіч, Будзімер (С. Кандыбовіч–Кабыш), Л. Гарошка¹⁷, Ул. Глыбінны, А. Карповіч, В. Кіпель, Г. Няміга (Г. Паланевіч), С. Станкевіч, Я. Станкевіч, П. Урбан, Л. Вароніч, Я. Запруднік, — для Н. Абрамавай быў таксама плённым. Вось толькі праз свой псеўданім, Тэадаровіч¹⁸, і празь небеларускую тэматыку ейных публікацыі — ды і яна сама — засталіся па-за ўвагаю даследнікаў. Цывільных і ў пагонах.

А пра тое, што зацапіцца воку было за што, сьведчыць нават няпоўная бібліяграфія ейных артыкулаў, складзеная мною (гл. с. 187). Н. Абрамава напісала так шмат артыкулаў у сваё выданьне, штомесячны агляд «Рэлігія і атэізм у СССР», што толькі выбраныя артыкулы яе за 1967—1969 гг. склалі кнігу на 320 старонак¹⁹.

Зрэшты, сказанае пра адсутнасць сьведчаньняў нямецкага пэрыяду жыцця Н. Абрамавай — недзе перабольшаньне. Захаваліся лісты Н. Абрамавай–Тэадаровіч²⁰, якія ўтрымліваюць якраз тое, што застало-

¹⁷ Разам зь ім Н. Абрамавабрала ўдзел у складаньні кнігі *Religion in the USSR / Institute for the Study of the USSR*; Ed. by B. Iwanow; Transl. ed. by J. Larkin; With contrib. of L. Haroshka, A. Schmemmann, N. Teodorovich. Munich, 1960.

¹⁸ У нямецкамоўных тэкстах прозьвішча *Тэадаровіч* перадавалася па-рознаму: *Teodorovich, Teodorowitsch, Teodorowych*.

¹⁹ Nadezhda A. Teodorovich. *Religion und Atheismus in der UdSSR: Dokumente und Berichte*. München, 1970.

²⁰ Месца знаходжаньня архіву Н. Абрамавай невядомае. Прынамсі, неўзабаве пасля яе сьмерці пошукам папераў займаўся Дз. Касмовіч, а пазьней Я. Каханоўская, але безвынікова.

ся па-за межамі афіцыйных публікацый: прыватнае жыццё, сьмерць дачкі Тамары, якая ўсё ж не была далёкая ад беларускай моладзі (шчыльна сябравала з Паўлам Урбанам), дапамога знаёмым і зусім незнаёмым людзям.

Лісты Надзеі Абрамавай

2.X.1960.

О, моя дорогая Янечка [Каханоўская]! Спасибо за привет! Тогда же, сразу после Вашего письма, написала Вам большое и подробное и... не успела отослать. Вся жизнь моя, понимаете, родная моя, вся жизнь моя перевернулась. Не стало моей девочки. Ушла из моей жизни красота, смысл, цель, радость — всё-всё. Жизнь мне только в тягость. Как убитая, знаю только один счет дням — со дня ее кончины. 30.XII — вот прошло 7 месяцев. Ни успокоения, ни утешения, ни забвения. Как будто всё это было всегда.

Какой ужас! Какой кошмар! Я никогда не думала. Я всего чего угодно ждала — она была странная и трудная девочка — но никогда не думала, что я ее хоронить буду. Она была такая жизнерадостная, такая здоровенькая, такая яркая.

Вы пишете мне так хорошо — «со смирением нести». Да, я знаю, что Господь не может творить во вред душам. Я знаю, что ей — во спасение (кто знает, как насмеялась бы над ней жизнь за ее доверчивость, жажду счастья, погоню за развлечениями), и мне для осознания чего-то недоделанного, *не так сде-*

ланного — всё в пользу вечной души. Но пока остаешься в жизни — переносить уход моей девочки, моей Тоси — это сверх моих сил.

Я еле-еле тяну лямку жизни, еле-еле работаю, я избегаю всех. У меня в комнатке горит «золотой огонек» — который ее символом мерцает. Я надрываю, буквально надрываю себе сердце на ее могилке. Родная Янечка, я никогда в жизни так несчастной не была.

Отец мой сильнее меня. Он меня бодрит, даже ругает, говорит, чтобы я взяла себя в руки. Господи! Я всю жизнь была смелой, мужественной, но в этом моем состоянии — я руина. Слезы и слёзы. Море слёз, особенно если люди хотят меня утешить. У меня много здесь и всюду добрых друзей, и, поверьте, когда я получаю их письма, я задыхаюсь от слёз. Ведь никто, никто не может меня утешить. Епископы католические, православные, с которыми связана и работой, и личным контактом, тоже не находят слов утешения: «Господь дал, Господь взял»...

Дорогая Янечка, Вы меня понимаете, конечно. Ведь в ней был смысл моей жизни, это ведь так ясно. А теперь — когда случилось такое — всё обесцвечилось, лишено радости и цели существования здесь, на земле.

Узнали ли Вы что-нибудь еще о всех нам дорогих? Пишите мне, родная, если не боитесь в ответ получать вот такие душераздирающие письма.

От всего сердца желаю Вам, Юлечке [Андрусышнай], детишкам много счастья, здоровья, благополучия. Спасибо за карточки. Томочка была так рада. Она помнит Вас и Юлечку (чуть-чуть), ей было так приятно сознавать, что вот были, мол, девочки, а теперь — мама! Она страшно любила детей. Мечтала о замужестве, о детях. Осталось два молодых челове-

ка, которые до сих пор болеют памятью о ней — один здесь (часто меня навещает, водружает на ее могилке венки), другой в Париже, пишет мне тяжелые письма.

Она была последнее время очень хорошая, всё танцевала — восхитительно, была какой-то странной (я этого ужасно боялась), но это очень нравилось в ней многим — знойная, яркая, неудержимая, дикая... Если бы Вы знали, как мне не достает ее в жизни моей, какая я без нее жалкая, несчастная, бедная...

Целую Вас, родная моя, пишите, если не боитесь моей печали, которая захлестывает меня и вот так в каждое письмо изливается.

Отец шлет свой большой привет. Вы всегда были его большой симпатией, он всегда с особой сердечностью вспоминает совместную работу с Вашим папашей.

Как странно. Тогда я так тяжело переживала горе Симочки²¹, так пламенно сочувствовала ей. Так недавно вечером лежали, и я рассказывала Томочке о том, какая была Симочка, о ее муже Павлике — и не подозревала, что уже тогда за моей стеной стояло, надвигалось мое личное, большое материнское горе. Господь — моя сила! И как тяжело сказать «да будет воля Твоя». *Его воля*, а сердце разрывается от боли.

Целую. Юлечке (она меня, наверно, помнит чуть-чуть) — привет. Пусть ее дети помолятся о моей бедной девочке.

Ваша Дина.

²¹ С. Кніга, супольная сяброўка Н. Абрамавай і Я. Каханоўскай зь Менску. Першы муж — менскі беларус Павал Земель. Другі муж — расеец з Масквы, куды С. Кніга й пераехала перад самым пачаткам вайны.

12.1.1966.

Дорогая Янечка! Получила сегодня Ваше письмо. Спасибо. Меня радует возможность помочь дорогим мне людям. Я охотно займусь этим, но яабсолютно не знаю, что лучше купить, чтобы не повторяться с Вами. Здесь мне нужна, конечно, Ваша помощь, Ваш совет.

Я бы очень хотела послать что-нибудь для Юлика, для его жены и для Симочки. Что? Материю для Симочки. Какую? Какие она любит цвета? Шерсть? Шелк? Сколько метров? У нас очень моден теперь материал с золотой или серебряной ниткой, так называемый люрекс. Не знаю, моден ли он у вас в США и может ли он понравиться там. Для Юлика я куплю туфли, это ясно. Обувь всегда нужна, и сомневаюсь, что бы там ее было довольно.

Я хорошо помню, что Вы еще дома всегда египетским увлекались, а Ваш папа бабочками. Мой отец восхищался его коллекциями, мне как-то никогда не удавалось ее [ix] повидать. Как всё это было давно, и как недавно. Вы помните, как мы вместе учились (без особого успеха!) кататься на коньках — Вы и я. Юлик бывал, но не решался из-за ушей. Было морозно. Слипались ресницы, но было весело, хотя жизнь сама по себе была каторжная.

Очень рада, что Ваши дочери счастливы в браках. Это и для Вас большая радость, и для прабабушки. Передайте ей мой горячий привет. Я так и думала, что моя бабушка, которую Вы знали, умерла в 1934. Помню только, что было холодно в церкви, на Военном кладбище, где ее отпевали. Кажется, это было на Рождество или под Крещение.

Вы, Янечка, не ответили мне на вопрос, как появился Юлик в Минске? Ведь Вы раньше писали, что

он был где-то за Уралом? Он был выслан? Возвращен? Бедный, конечно, он уже старичок. Он, кажется, на четыре года старше меня, а мне в этом году исполнится 59! Прошла жизнь.

Работы у меня бесконечно много. Порой изнемогаю от нее, не хватает времени и сильно сдают глаза. После пережитой трагедии с Томой я стала руиной — всё, что случается после сильных шоков: и диабет, и начало катаракты, и сердце сдает, низкое кровяное давление, плохо с памятью на новое. Былое помнится зато почти в озвученных деталях. Почти осязательно чувствую Тому такую, какой она была последние годы, танцующею, поющею, нарядною. Не сомневаюсь, что только то, что случилось с ней, ускорило кончину отца. Он сгорел буквально за эти два года после ее смерти, от своего личного страдания о ней и боясь за меня. Ведь самое ужасное, что это было так неожиданно, и мы ничего не знали, что и как, и до сих пор я ничего не знаю. Знакомый председатель здешнего общества спиритов всё уговаривает меня поехать в Данию, где производятся сеансы с медиумами. Он уверен, что я увидела бы ее и узнала бы от нее, что и как случилось. Не хочу, мое религиозное чувство мне не позволяет к этому прибегать. Скорее, может быть, склоняюсь к тому, чтобы когда-нибудь воспользоваться способностями испытанных ясновидящих. Это иное, тем более, это всё более обретает научной почвы.

Итак, дорогая Янечка, жду Ваших советов. Спасибо за согласие подписать мой документ о прошлом.

Целую Вас, Вашу маму.

Ваша Дина.

Рим. 27.6.1966.

Дорогая Янечка!

Заканчиваю свою работу здесь. Честно отработала здесь в Institut'e Orientale. Каждодневно с 9.30 до 12 и с 15.30 до 17, не исключая суббот. Папа²² в своих учреждениях не сократил еще рабочей недели, и они работают все 6 дней.

Жаль уезжать отсюда. Люблю, очень люблю Рим. Я уже здесь, кажется, не то в шестой, не то в седьмой раз. Жарко. В тени 37 градусов. Мое нижайшее в Мюнхене кровяное давление (там всегда холодно, сыро, бессолнечно) 95—120, здесь, очевидно, приходит к норме, а потому чувствую себя прекрасно. Даже столь напряженная работа в жаре и переходы на солнце из квартиры в библиотеку и обратно не тяжелы.

Нигде (почти нигде) не была. Всё время экономлю для работы. Была однако раз в море. Один день отдала античной Остии. Это мое любимейшее место. Раскопки раскрыли такие чудесные мозаики. Уцелели основания жилых домов, военная школа Трояна, общественные уборные на 15 мест! Каменные массивные сидения, с соответствующими выемками, вниз ров, который проточной водой сгонял нечистоты куда-то. Сохранились термы с паровым отоплением, где вся эта техника налицо. Сохранился открытый амфитеатр с каменными сидениями, проходами между рядов. Сохранился большой храм и пол, и колонны с капителями, и все ступени к нему. Маленькая домашняя каплица. Остатки публичного дома под названием «Дом нимф и сатира» с прекрасной мозаикой и фигурой целующихся нимфы и сатира.

²² Папа Рымскі Павал VI (заўв. рэд.).

Здесь в Риме в течение июня каждый день в открытом театре дают очень интересную вещь. Называется «Лучи и звуки». Когда темнеет совсем, при специальном освещении проходит вся история Рима от Ромула и Рема до Константина Великого.

Никаких артистов. Лучами всевозможных оттенков (в соответствии с эпизодами) подсвечивают те или иные остатки зданий, храмов, колонн, а в это время слышны голоса героев, плач, крик избиваемой и убиваемой в междоусобицах и войнах толпы, то триумф в светлые години. Замечательно! Все эти останки древнего Рима в багряном свете, в клубах дыма. Это не лубки и не кич. Это сделано с таким чувством меры и озвучено такой прекрасной музыкальной гармонией, что просто диву даешься. Для американских туристов это идет на английском языке. Но даже не зная итальянского языка, всё понятно.

Сейчас у меня обеденный перерыв. Пообедала и на террасе строчу письмо. Сильно припекает, внизу буйно цветет олеандр. Странно, сегодня почему-то не секут воздух стрижи. Обычно они будят меня с самого утра.

Пишите мне уже на Мюнхен. Скоро я буду там.
Целую.

Ваша Дина.

[бяз даты]

Дорогая Янечка!

Как рада была получить Ваше письмо! Так странно видеть свое имя, то, которым называли меня только близкие и каких вокруг уже никого не осталось.

Сколько воспоминаний вызвало оно!

Бедная Симочка! Красивая, как богиня. Помню, с какой любовью мой отец ее фотографировал и так,

и сак, завернутую в какой-то розовый шелк, в позе Лигии, в профиль, силуэтно. Ее золотые волосы! Ее тонкие черты лица. Ее фигура. Господи, как всё уравновешивается в духовном плане. Ведь она, мне кажется, была такой безмерно счастливой, ей так улыбалась жизнь всё ее детство, всю ее юность. Любимцей была отца, матери, всех, всех... Конечно, ни в коем случае нельзя ей брать сына. Он агрессивен, и это опасно. Шизофреники обычно убивают объекты своей ненависти. Она вовлечена в его бред, и ничто не поможет. Его, наверное, лечили всем возможным. И здесь нет средств, которые бы спасали от этой ужасной болезни. В лучшем случае, дав электрошок, притупляют всякую активность, делают пассивновялыми до смерти, но и это не всегда и не со всеми случается.

Хотелось бы узнать об остальных — о Зине, об Оле, о Тамаре — о всём выводке нашей компании. Где они?

Часто думаю. Если бы осталась там — может быть, все сохранились. Но это так мимолетно. И всегда думается в ответ на эту безрассудную мысль: если бы всё началось сначала — я сделала бы то, что сделала. Да, они, мои дорогие и близкие, которых вырвала оттуда, — все ушли, все оставили меня одну, но ушли на свободе, и я, как ни горька (по-человечески) моя жизнь, но она безусловно имеет несравнимую ценность: я не в СССР, который вместе с режимом был всегда мне и моей семье предельно ненавистен.

Кончина Тома — моя незаживаемая, моя неизживаемая боль. Это такое, что превосходит все мои мучения, потерю всех, вплоть до здоровья. Я счастлива, когда вижу ее во сне, это бывает так редко.

Она последние годы была такая оригинальная, такая своеобразная, неукротимая, прекрасная. О, как я переживаю ее уход, который (рассуждая не по-человечески, с мещанской психологией, но с точки зрения Божественной милости) был, по-видимому, радикальным ее спасением. С ее нравом, с ее нервной структурой, она не удержалась бы в нашем мире, полном соблазнов, достатка, свобод. И возможно то, что ее ждало бы в жизни, было бы страданием и для нее, и для меня. Я склоняю голову перед Волей Божией, как верующий человек, но тоскую по ней неимоверно.

Вас интересует история постройки церкви на окраине Мюнхена. Да, я хорошо знаю эту историю и помогала этой затее. Отец для этой церкви нарисовал даже две иконы. Человек этот — казак из бывших послушников северокавказского монастыря. Когда громили большевики монастырь и убивали схимников, он, будучи еще молодым человеком, убежал из монастыря. Работал в шахтах как мирянин. Каких-нибудь точных религиозных знаний в монастыре он не успел приобрести, а работая в шахтах, по-видимому, соприкасался с разными группами — со старообрядцами, с сектантами разных оттенков — и получилась в его мировоззрении религиозном такая перепутаница, что не разберешь: фрагменты самых разных верований.

Церковь он построил в стиле восточного православия, с куполом, с иконостасом (отец и я расписывали алтарь). При церкви махонькая часовня Божьей Матери, в которую я помогала ему собирать со всех стран мира наиболее чтимые изображения Божьей Матери. Таким образом, она является, в некотором смысле, музеем — там все Ее лики, от черных (не-

гритянских, индийских) до наших с Камчатки, где впервые был построен православный храм.

Отец очень любил туда ходить. Церковка очень уютная. Строил ее этот Тимофей со своей названной сестрой Наташей, вдвоем. Как они подымали эти стены, из тонких досок, но стены, один Господь Бог знает. Они мне говорили: «Вот не могём узнять, то Наташа как закричит: «Дык што ж Ты, Госпадзі, ня відзіш, што нам ня ў сілу? Дык памажы ж!» И, смотрим, идет человек дорогой: «Что это вы тут делаете?» — «А вот церковь Божию строим, да тяжело». Раздевает поддевку, да и в помощь нам. Так вот святая Троица и позаботится».

Так и построили храм. Тимофей со своей верой не признает никаких церковных юрисдикций. Чтобы им помочь, чтобы обезопасить их труд и землю защитить, на которой они всё это самочинно возвели, я хотела закрепить это при помощи церковных властей. Приглашала туда католического епископа. Он умилился. Благословил. И конечно бы помог, если бы Тимофей проявил какое-то желание подчинить сотворенное им церковной власти. Увидев его нежелание, подумала, может он не хочет под католическую защиту подвести его сооружение. Стала уговаривать его связаться с православным архиепископом. Ходила сама к архиепископу мюнхенскому, говорила о церкви и просила, чтоб он как-то защитил сооруженное. Но Тимофей и тут дал мне бой. А сам нашел какого-то батю и стал звать его служить. Батя — московской (советской) патриархии приверженец. Я предупредила Тимофея, сказав, что советчикам только того и надо, что бы поставить в Мюнхене ногу и тем внести смуту в зарубежную церковную жизнь. В общем, Тимофей не хочет, чтобы его сооружение

кому-либо было подчинено. Служить же, по его, в церкви могут все. Он в самом широком смысле экumenист, идущий гораздо шире объединения в молитве только христиан. Он искренне был рад, когда в его храме молилась еврейка. Торжествующе сообщил мне о том, что мусульмане и мормоны и «какие-то» антропософы приходят к нему и молятся с ним. Он уверен, что никогда не умрет, что эта церковка его будет той скинией навесной, которая, по Апокалипсису, будет вознесена на небо, спасая в себе 140000 праведных душ. «Все они, миленькие, соберутся, как один, в этом храме, как только труба Господня возвестит». Вот это общий облик того, что выросло из недр типично русской, бунтарской против всего и вся души, устремленной непосредственно (без каких-либо церковных посредников из духовенства) к Богу. Признаться, мне нравилось, когда он разговаривал с католическим епископом и называл его на «ты» и «дорогой брат», и тот его тоже. Так обнявшись, они и обходили это рукотворение во имя Бога, которого принято понимать иначе, и во имя церкви, какой по существу еще нет на земле.

Вот пока и всё, дорогая Янечка. Целую Вас, моя дорогая.

Ваша Дина.

Мюнхен. 10.5.1967.

Спасибо, дорогая Янечка, за письмо. С большим нетерпением буду ждать готовящиеся для меня фотографии Юлика и Симочки. Это так интересно. Какие они? Какой стала наша красавица Симочка? Неужели годы обошлись с ней немилостиво, и будет грустно смотреть на нее изменившуюся? Что с ее

дочкой? Она, наверное, тоже давно уже мама, а Симочка бабушка! Как это невероятно! Для меня все они в своих образах бывших предостоят в памяти.

Новостей у меня нет. Всё то же. Работаю так, чтобы было ясно, сколь опасен, фальшив, хитер и препротивен практически осуществленный марксистский коммунизм. Очень много болела в этом году. Нарушения кровообращения. У нас здесь препротивный климат. То холодно, то вдруг резкая перемена к потеплению, то снова грохает мороз. Организм не успевает приспособиться к этим температурным изменениям, а от этого и страдает кровеносная система. Ноги тяжелые. Вены набухают. Принимаю какую-то лекарственную дрянь.

Забот у меня как всегда (не своих!!) много. Вот теперь опекаюсь девочкой 7-летней, которая в полном параличе. Еле-еле владеет ручонками. Полная мышечная атрофия. Сегодня возила ее с матерью к врачу, хотим испробовать всё возможное, чтобы как-то облегчить ее судьбу. Бедная мать, извелась. Девочка, как она ни хрупка, тяжела. Мать ее должна носить, переносить с места на место. Девочка в постоянном корсете, который чуть-чуть поддерживает ее грудную клетку, так что она может сидеть. Еле-еле держит головку. А ко всему этому — интеллектуально развита не по годам. Как взрослая, рассуждает, имеет колоссальную волю, чтобы хотеть быть здоровой, хотеть двигаться, ходить. Это так тяжело всё.

Была очень рада повидать всех вас на фотографии. Юлечка стала совсем неузнаваемая. Я бы ее никогда не узнала. Славные ее ребята. Хорошо, когда вокруг детские голоса. Совсем жизнь идет по-другому. Вокруг меня, увы, их нет. Всё больше или беспомощные старики, которым надо помогать, а

потом провожать до могилы, или вот такие, требующие врачебной помощи больные дети. У каждого своя судьба. Всегда мысленно переносюсь мыслями к бедной Симочке. Я, кажется, Вам писала, что и здесь медицина беспомощна перед этим ужасным заболеванием — шизофренией. У меня и такие гости часто бывают. Как бывший психиатр, я, по-видимому, как-то их привлекаю. Слышат мой голос, слышат, что я их зову, и, когда я меньше всего склонна их принимать, приходят. А когда приходят, то не могут и скоро уйти. Говорят, говорят безумолку и всё свое, никак не попадая общей какой-нибудь теме. Выговаряются и уходят. Им от этого легче. Это все такие, которыми сделали в психиатрических больницах электрошоки. Они стали от этого пассивны, утратили свою агрессивность, их выпустили, и они живут такие среди нас, в своем фантастическом мире, иногда лишь ощущая необходимость контактов с теми, которых они вовлекли в свой бред. Некоторых угощаю чаем. Некоторых угощать нельзя: подумают, что хочу «отравить» — и тогда дружба врозь.

Кроме работы, раз в неделю, по средам, даю урок практического русского языка для студентов-немцев, изучающих русский язык. Люблю молодежь. Эта работа дает мне большое удовлетворение. Они привязаны ко мне, а я к ним. Стараюсь как можно больше дать им практических знаний. Один уже стал настоящим переводчиком, переводит некоторых советских писателей (из числа оппозиционеров режима) на немецкий язык. Я строго слежу, чтобы не переводил всякую советскую шваль, пишущую в духе соц. реализма.

Что рассказать Вам о себе еще? Право, не знаю. Много у меня работы, но после моих жизненных

катастроф, даже если я их приняла безропотно, как волю Божию, я стала вялой, болезненной, малоинициативной. То, что было раньше легко и просто, теперь занимает больше времени, и наиболее сложные работы откладываю, пока их не накапливается несколько, и тогда делаю всё через силу.

Не знаю, доходят ли до Вас мои работы. Они издаются на разных языках: на русском, немецком, английском. Если не видели никогда — напишите, пришлю Вам. Пишу о положении религии и Церкви всех вероисповеданий в СССР. Эта тема, как Вы знаете, всегда была для меня важна и интересна еще там. Теперь, когда изучаю положение верующих там, особенно хочется открывать глаза здешним оптимистам, которые, будучи спровоцированы советской агентурой, думают, что там уже давно произошла либерализация, демократизация и наступает коммунистический рай. Американцам трудно вдалбливать, что это далеко не так, им так хочется сосуществования. Но они не понимают, что и под флагом сосуществования коммунисты будут ловить свою рыбку в мутной воде, делать свое каиново дело — разжигать классовую борьбу, форсировать локальные инциденты, приближать «мировой пожар».

У меня здесь, к счастью, много добрых друзей, которые стараются сделать всё от них зависящее, чтобы я не чувствовала себя одинокой. Но... По сути дела, друзья милы и хороши, я их очень люблю, ценю, но моего внутреннего одиночества и постоянной тоски о Тосемоей они никогда не могут утолить. С потерей ее ушла из моей жизни красота. Она была трудной девочкой, но такой необычной, такой резко отличной от всех других, своеобразной, оригинальной, талантливой... И этого мне ничего и никто не может заменить.

Я ныла—ныла в этом письме. Дорогая моя Янечка, ною только потому, что меня с Вами объединяет прошлое. Вообще, здесь, среди новых друзей, я не нытик. Наоборот. Ко мне приходят за бодростью, за распутыванием душевных конфликтов, за тем, чтобы выводить из тупиков житейских. По отношению к другим я с этим успешно справляюсь.

Целую Вас, Вашу маму, Ваших дочерей и внуков и внучек.

Ваша Дина.

17.5.1967.

Дорогая Янечка!

Я снова Вам пишу, потому что угрызаюсь. Только что уехала одна знакомая, которая приезжала из СССР и рассказала мне их нужды. Я составила целый список вещей, которые там нужны, или очень выгодно могут быть проданы. Я угрызаюсь, потому что мы здесь, действительно, тратим деньги очень часто по-пустому. Этими пакетиками, которыми я отделяюсь раз в год, просто свинство обходиться! Сестра этой уехавшей мне сказала, что там ничего нет, потому что даже то, что есть, недоступно по ценам местным. Наслушалась такого, что небу жарко. А это был человек из Риги, а Рига — это Прибалтика, а в Прибалтику приезжают из Красноярска, Орла и других мест в свой отпуск подкормиться и запастись кое-чем. В Прибалтике лучше, чем везде. А в Минске — подавно, наверное, дело худо обстоит, он никогда не снабжался хорошо.

Целую всех крепко.

Ваша — Дина.

Вербное Воскресение. 1967.

Дорогая, любимая моя Янечка!

Христос Воскрес! Целую от всего сердца Вас, Вашу маму, всех любимых Вами и дорогих Вам.

Янечка, я получила минские подарочки. Как сделать, чтобы в будущем они *ничего* ответно не слали? К чему? Для них это расходы. Не надо. Для меня же, право, ничего не надо. К «отечественным» воспоминаниям — и полесским, и кремлевским — я, право, более чем равнодушна. Как им дать понять, чтобы не обидеть их... Но, уйдя *оттуда*, я тоскую только по дорогим мне людям, но больше ни о чем. Я никогда не хожу на театральные, концертные представления *оттуда*. Ушла сознательно, поставила крест на всё и не хочу терзаться «кошками» даже от любимого мной родного искусства. Возят ведь его сюда сознательно, заманивать, беречь у тоскующих по Родине. Я не тоскую по Родине, когда она в советских руках. Мне здесь на свободе так хорошо, так душе привольно... боль личную нести должна, как всякий из земнородных. Там ли, тут ли, кто хочет или может попробовать огня, должен терпеть и благодарность за всё. Вы, наверное, меня хорошо понимаете?

Пишите мне, дорогая, не карайте меня молчанием, хотя мне молчание, если не считать его патологическим, абсолютно нетерпимо. Понимаю! Очень, очень хотела бы повидаться с Вами. Стареем ведь. В этом году мне уже 60 исполняется!

Целую Вас, дорогая Янечка. Маме Вашей мой сердечный привет и поцелуи. Какое счастье, что Вы ее имеете. Какое счастье было бы, если бы моя мама была со мною!

Ваша Н. Т.

28.5.1968.

Дорогая моя Янечка!

Спасибо за гору приветов, которыми Вы нагрузили проф. Адамовича. Он уж вез их, вез — чуть довед, так был обременен!

Спасибо, родная. У нас проходит интересный симпозиум по вопросу о советской литературе. Много съехалось специалистов—иностранцев, которые толком не знают языка, грызут литературу и делают выводы и исследования. Многого, что хотелось бы мне узнать от них, так пока и не дослушалась. Все слишком политически теоретизируют, а оценки литературы, особенно поэзии (которая меня интересует особенно — потому что сама писала запоем, не зная никаких законов версификации, а так, как влиялось из недр души, — в состояниях депрессии, всегда!). Так вот, этой настоящей оценки стихов советских по законам версификации и по отнесению их нынешних рифм к известным нам формам классической и полуклассической поэзии, не вижу и не слышу. Попробую сегодня со знатоками в кулуарах поговорить.

Господи, как я сочувствую проф. Адамовичу. Какой ужас у него. Ведь у нас одинаковая судьба. У него отец — пропал без вести. Моя Тося — убита, а кем и за что? И думается, очень возможно, что длинная рука из Москвы, чтобы нас морально—нервно—психически сломать. И, конечно, сделано дело. Я совсем руиноподобная с тех пор. Нет ни прежней энергии, ни быстроты, ни способностей. Всё трудно, всё стало тяжело. Жду только конца, как избавления.

Целую Вас, моя дорогая. Всем, кто знает меня и помнит, мой самый горячий привет и шчырае сардэчнае прывітаньне. Беларуская справа мяне цікавіць

і блізкая мне, як раней, толькі тутака яна ня мае ані руху, ані пэрспэктывы вялікіх. Чым магу, дапамагаю найбольш актыўным.

Цалую моцна, моцна.

Вашая Дзіна.

19.10.1968.

Дорогая Янечка.

Снова получился перерыв в нашей переписке. Обычная история! Расстояния тому виной и то, что вечно что-то разношерстное со всех сторон наваливается. Весь свой отпуск отдала приведению в порядок своего жилища. Со времени моих жизненных трагедий ничего не прибирала, только запихивала в углы вещи моих дорогих и свои, ненужные для работы, книги и бумаги. Стало уже невозможно. Ничего не могу находить. Пыль, облупленный пол, почерневший потолок. Всё привела в порядок. Не умираю, значит, надо взять себя в руки.

Было тяжело, всё нарывалась то на письма Томочки, то на фотографии моих. Батяка мой был многогранный человек, всё полно следами его интересов: фотографии, художественные работы, письма, его заметки, работы о раннем оккультизме, черно-книжки, о историях религий. Всё это пришлось разбирать, было грустно. Всех их, отошедших, мне ужасно не хватает... Масса дружеских контактов у меня, но все такие бесцветные, не оригинальные, по сравнению с ушедшими от меня в лучший (несомненно лучший!) мир моими близкими. Чувствую их, конечно, повседневно в мистическом плане, но, пока еще сама в физическом, этого не хватает.

Пишите, дорогая Янечка!

Ваша Дина.

17.12.1970.

Дорогая моя Янечка!

Уж не знаю, что Вы думаете обо мне.

Выходила моя книга, сборник моих статей. Не моя инициатива была. Немецкое издательство нашло нужным издать мои статьи для немецких читателей. «В чужом пиру — похмелье». Пришлось помогать. Два раза читать юрректтуру. При моих испорченных глазах это было нагрузкой. В книге, как-никак, 300 с лишним страниц. Теперь книга вышла, и я вот в праздничные дни буду спать. Спать, как чеховской Варьке спать хотелось.

Что творится там! Солженицын, евреи, баптисты, теперь в Польше события²³, хоть бы скорей полетела ко всем чертям эта проклятая диктатура! Хоть бы дожили наши, дорогие, там до свободы!

Что слышно оттуда? Писали? Сестра сможет приехать? Хоть бы приехала и осталась здесь, в мире, где человек живет как человек, а не как раб проклятого режима.

Я слыхала, что здесь был проф. Адамович. Ко мне не удосужился зайти. Почему-то.

Целую Вас, дорогая, и сердечно поздравляю Вас и маму, и всех Ваших близких с праздником и в Новом году всего светлого, доброго, радостного.

Ваша Дина.

19.12.1970.

Янечка, дорогая!

Вчера отправила Вам письмо, а сегодня получила Ваше.

Сердечно поздравляю всю Вашу семью с такой радостью большой, с долгожданной гостьей родной. Мой большой привет ей и всем вам.

²³ Хваляваньні рабочых на поўначы краіны (заўв. рэд).

Неужели она будет придерживаться срока конца визы? Неужели вернется? Зачем? Что тянет ее туда, ведь у нее там нет родных?

Узнайте, дорогая, что же могут там писать обо мне. Не сообщают же они о моей работе, это только бы вызвало симпатию ко мне. Наверное, врут, что убивала или что-то в этом роде, как пишут-врут о многих моих друзьях, ушедших на свободу.

Какие храмы открыты в Минске для богослужений? Увидела фотографию прекрасно отремонтированного кафедрального костела в Минске на бывшей Соборной площади²⁴. Что, разве он служит как храм? А «новый костел»²⁵ — там киностудия, как и было при нас? Закрыт ли Екатерининский собор на Немиге? Мне это очень важно знать, я составляю список разрушенных и перделанных храмов.

Господи, какая радость, когда кто-то вырывается отсюда. У меня под опекой такая семья из Румынии. Как жадно они читают все то, о чем и мечтать не могли там! А ведь в Румынии легче, не то что в СССР или БССР.

Итак, радуюсь Вашей радостью!

Целую.

Ваша Дина.

²⁴ Катэдральны касыцёл на Саборнай плошчы (цяпер — пл. Свабоды) ў пасыляваенны час быў перабудаваны да непазнавальнасьці і прыстасаваны пад спартыўную залю, адноўлены толькі напачатку 1990-х гадоў. Магчыма, меўся на ўвазе праваслаўны катэдральны сабор на пл. Свабоды.

²⁵ Касыцёл сьв. Сымона й Алены («Чырвоны») на пл. Незалежнасьці (заўв. рэд.).

30.3.1971.

Дорогая Янечка.

Давно Вам не писала. Знала, что у Вас были печальные дни проводов сестры и проч. Не хотела Вас отвлекать. Веселить было бы трудно, помогать горевать — сгущать скорбь.

Уехала? Ужас! Представляю, как трудно вернуться в этот кошмар, увидев мир свободы и достатка!

Понимаю, конечно, если там у нее семья. Я не знала. Мне почему-то казалось, что она одиночка.

Спасибо за вырезку из газеты относительно Красного костела. А что же всё-таки — снесли его или еще стоит?

Дорогая, спасибо Вам большое, что прислали мне снимок Жени Киркевича с семьей. Я бы очень хотела знать от него, когда точно арестовали его отца, о. Антония, о. Очаповского, о. Язвicioго. о. Кульчицкого? Мне это следовало бы знать как можно скорее. Я должна буду написать к маю статью о Белорусской православной церкви. И мне все эти даты были бы очень нужны. Какова всех их судьба?

Пусть Женя мне всё это точненько скажет. Я не буду его упоминать, если он не хотел бы. А если бы разрешил — была бы очень благодарна. Может быть он сам мог бы мне написать очерк небольшой — как, когда был произведен арест его отца? Какие обвинения? Куда забрали? Виделась ли семья с ним? Что было семье известно о нем впоследствии?

Очень буду благодарна, если он мне пришлет такое и все, что ему известно о разгроме духовенства белорусской митрополии. То, что я помню, я сама опишу. Нет здесь больше людей, которые в ту пору там были. Лариса (раньше Семенова, ныне Шеста-

кова) здесь недалеко. Она мне кое-что рассказала, но дат не помнит. Янечка, дорогая, Вы мне окажете большую помощь, если это я смогу получить. Мне очень нужно отразить (пока живу) те годы церковной жизни нашей в Минске.

Целую Вас крепоньку.

Ваша Дина.

19.3.1972.

Дорогая Янечка!

Я ужаснулась, что именно Вы «не из Минска». Я нарочно написала коротко и послала проф. Адамовичу, чтобы он заверил, а Вас хотела просить, поскольку мы переписываемся всё время и знали друг друга так издавна и так хорошо, — заверить мою более пространную жизненную историю.

Я не знаю, если названное Вами лицо так добр, что хочет это сделать для меня, я буду ему бесконечно благодарна и оплачу, конечно, все его расходы по переписке текста у нотариуса. Попросите его от моего имени. В истории изложенной — нет ничего от лжи, кроме засекреченной в СССР двойной девичьей фамилии. Там было нелестно иметь двойную — и так нас попрекали в дворянстве и в польском происхождении. Здесь же вторая часть фамилии скрыла нас от репатриаций. Когда я была арестована в Праге, меня обязательно бы выискали советчики по спискам, если бы я не была Марией и Сушинской.

Целую Вас, дорогая, и прошу извинить назолу.

Ваша Дина.

19.1.1973.

Дорогая моя Янечка.

Я просто не знаю, с чего начать. Мне страшно стыдно, что я молчу как рыба и даже не поблагодарила ни милого г. Адамовича, ни мадам Арсеньеву.

Что это было? Какая-то прострация духовная, переработка от насущнейшей деятельности, которую надо было провернуть, чтобы продолжать дело, начатое мною по изданию; несколько раз болезни, нудные старческие болезни, которые долго не проходят, оставляя вялость и ровно столько энергии, чтобы делать только самое необходимое.

Я хочу одного: чтобы меня немножко поняли и простили.

Я еще палец о палец не стукнула, чтобы начать дело с моей пенсией. Живу на огрызок пенсии, который получаю от какого-то пенсионного комитета из Швейцарии, куда и мы, и за нас Институт выплачивал какие-то проценты от зарплаты. Шлют ее мне на 3 месяца. Последний месяц зубы надо класть на полку. Но это мне неважно, я человек нетребовательный. Барахлишко имею, на еду хватает.

Живу работой. Живу тем, что пишу то, что считаю нужным писать и бросать в народ, который так мало знает о происходящем там и так легко поддается на удочку советской пропаганды. Бью в набат. Толку, конечно, мало. Получаю множество писем от единомышленников. Они и благодарят, и поощряют, и распространяют мои сведения через доклады и беседы вокруг себя. Считаю, что и это важно, поскольку вокруг меня люди после закрытия Института сложили ручки на брюшке и молчат, доживая. Хочу дожить, продолжая свидетельствовать истину.

Дела, конечно, заброшены. Помощницы мои без меня не особенно умелы. На письма отвечаю, лежа в постели. На машинке пишу вот только второй день и то уже вся потная от слабости.

Не знаю, что это такое. Или действительно старость, или уж слишком зловредный, какой-то новый вирус. Об этом и по радио говорят, и в газетах пишут, что врачи растерялись. Новый вирус создан под влиянием атомных осадков в атмосфере. Старые вирусы, мол, подохли, а наиболее устойчивые сохранились и произошли какие-то новые мутации, с которыми пока не умеют справляться.

Все же надеюсь, что это еще не конец, иначе не ляпала бы сегодня на машинке. Заставило же меня ляпать мое греховное состояние. Уже давно страдаю от своего бессилия вам всем написать. Если бы борьба за пенсию пошла в ход, конечно бы написала. А так — все в откладке.

Умоляю сказать Вас проф. Адамовичу, что я действительно невежа и свинству моего молчания нет извинения. Прошу его простить. Особенно же прошу сказать г-же Арсеньевой, что я особенно была поражена и благодарна ее свидетельством. Ведь она меня так мало знает и смогла так сочувственно откликнуться на мою просьбу. Как толькі трохі падужю — напишу ей сама.

Прочитайте, Янечка, эти отрывки каждому по назначению. Сама им лично напишу позже, а то правда нет сил.

Высокапаважаны Антон Аляксандравіч!

Няма ніякіх слоў, каб высветліць, з чаго магла адбыцца гэткая несусьветная неахайнасьць, каб не напісаць Вам майго шчырэйшага «дзякуй».

Я ўжо й сама ня ведаю. Напэўна, усё ж такі гэта старасьць. Нейкая псыхічная прастрацыя надыходзіць і апаноўвае, як толькі паўстае нейкая патрэба ва ўладжваньні асабістых патрэбаў.

Да гэтага часу ня выкарыстала вашых пасьведчаньняў. Не падала да гэтага часу на пэнсію. Жыву з нейкіх ашмоткаў, якія мне выплочвае пэўная швайцарская фірма за выслугу год у Інстытуце. Усё — і савецкі час працы, і праца да Інстытуту — усё гэта ляжыць, чакае, пакуль адужуся дзеля клопатаў аб сабе.

А магчыма, гэта з Божага Правіду. Апошні час хварэю то тым, то гэтым. магчыма, гэта ўжо сыгналы, а таму й сьпяшацца ня варта.

У кожным выпадку, я вельмі й вельмі ўдзячная Вам і асабліва, што нарабілася падвойнага клопату Вам, але гэта ўжо не з мае віны.

Шчырае Вам дзякуй. Каб Вы мне сказалі, колькі каштуюць вашыя клопаты ды адвакат — дык усё даўно было б у парадку, а калі так, на Бога — дык, бачыце, якое сьвінства апаноўвае чалавекам. Натура грэшная!

Дзякуй Вам найшчырэйшы. Думаю, калі апошняя мая хвароба яшчэ не завяршыць майго жыцьця, дык буду клапаціцца аб грошы і тады буду зноў у думках зьвяртацца да Вас з падзякай за дапамогу.

З пашанай Н. Тэадаровіч.

Высокапаважаная й дарагая
спадарыня Арсеньнева!

Ніколі не спадзявалася, што Вы будзеце так ласкавы дапамагчы мне ў маіх клопатах праз хлеб штодзённы. Шчырае Вам дзякуй!

Хварэю амаль усю восень. Да гэтага часу ня выкарыстала дасланага ад Вашага імя. Хто ведае, нейкая дэпрэсія авалодала. Нічога рабіць не ахвота, клапа-

ціцца аб сабе ніколі не была спрытнай. Трэба, безумоўна, трэба. Усе мае прыяцелі тут насядаюць на мяне. А я вось нават да гэтага часу не сабралася з духам падзякаваць Вам. Выбачце мяне. Грамадзкія справы заўсёды былі для мяне найважнейшым. Цяпер вось ладжу выданьне майго штотомесячніка. І ён, як бачу, адбірае ўсю маю энэргію. Высылаю на 1400 адрасоў, карэспандэнцыя заўжды, чыгаць прыходзіцца безьліч, мець клопаты з друкам, экспэдыцыяй. Спыніць гэтае працы ня маю права. Атрымліваю шмат лістоў з падзякай. Навукоўцы, духоўныя, журналісты выкарыстоўваюць дадзеныя, якія даю па-расейску і па-нямецку. Ня ўсе ж карыстаюцца з савецкага друку, ды й ня ўсе цікавяцца рэлігійнымі пытаньнямі — вось і служу гэтае працы. Таму й занябала нават падзякаваць сваім дабрадзям. Выбачце, калі можаце, дарагая!

З пашанай Н. Тэадаровіч.

Янечка, я через Вас прошу пакрыць мою бестактносьць. Это Вы сможете сделать. Иначе мне просто невозможно подступиться к этим милым людям. У нас говорили, что в психиатрию шли те, кто сам сродни психическим аномалиям, возможно, это так. Вот это мое состояние психической депрессии в отношении личных дел — думаю, нечто от психической хвори!

Целую Вас, дорогая моя. Помогите освободить мою совесть от бестактности небывалой.

Ваша Дина.

27.12.1976.

Моя дорогая, моя любимая Янечка!

Не сердитесь, не обижайтесь и не думайте плохо, почему я не пишу. Не пишу, поверьте мне, только

потому, что я не по своим силам загружена делами. Стара стала, а работа растет и уже выше головы. Никому не пишу. И все к этому привыкли. Думаю о многих, и в том числе о моих бывших и нынешних друзьях часто, но обычно тогда, когда уже отхожу ко сну. И засыпаю — как в воду падаю. Простите меня, что я заставила Вас думать и беспокоиться и недоумевать, почему не отвечаю. Не пишу только потому, что перегружена до отказа.

Вот теперь Вы меня разволновали сообщением о болезни Юлика. Мне так безумно тяжело. Я так много, как могу, помогаю. Шлю незнакомым людям в СССР посылки, и лекарства, и деньги. И не могу, не смею помочь своим. Ведь Юлик — свой, самый настоящий свой. Сколько вместе хлеба-соли съедено, сколько пережито было хорошего и тяжелого.

Напишите мне, дорогая, как можно скорее! Я не хочу, не могу оставаться в стороне, когда он болен. Я хочу, я должна быть ему полезна.

Родная моя, может быть, я могла бы связаться с Симочкой? Я имею контакты в Москве с хорошими людьми, которые имеют возможность и по телефону переговариваться, и пересылать туда кое-какие вещи. Может быть я могла бы послать на адрес Симы что-нибудь нужное для Юлика? Лекарства? Питание? Деньги? А может быть вообще страх прошел, и можно отсюда на его адрес посылать? Не с моей фамилией, которая там жупел, но от моих совсем политически ни в чем не замешанных людей?

Я была так рада встретиться с вами, дорогая Янечка. Было так коротко наше свидание, наша встреча. Понимаю, очень хорошо понимаю, как тоскливо Вам в эти дни без мамы. Сколько бы времени ни прошло — неизбежаемая утрата матери. До сих пор (а это было в 1951

году) я помню этот ужас — когда отлетел последний вздох моей мамочки, помню все чувства, все мысли, как будто это было вчера. И в святые дни всегда тяжело и горько, хотя и осознаю, что абсурдно горевать — ведь она была уже очень древняя и, возможно, в тягость себе и другим. А ушла такая еще молодая, такая красивая лежала в гробу. Ей было всего 63. А мне в апреле 70!

Целую Вас, обнимаю. Всегда помню Вас.

Ваша Дина.

17.11.1978.

Дорогая моя Янечка!

Если бы Вы знали, как обрадовало меня Ваше письмо! В моей рабочей свистопляске я много раз прорывалась Вам написать, но всё не выходило.

Истинно в последнее время, когда стала прихварывать, все мысли обращались как-то к прошлому, а следовательно, к Вам, Юлику, ко всему пережитому когда-то.

Я нахожусь на исследовании в университетской клинике. Со мной что-то началось: увеличена печень, анемия большая. Легла, что бы узнать, в какой мере смертельно. Смогу еще работать и мемуары написать, или пора «сматывать удочки», готовиться предстать перед Господом Богом.

Ничего смертельного не находят. Измучилась здесь, потому что исследования изнурительны и очень неподходящее питание. Спешу выписаться.

Как поживает г-жа Арсеньева? Почему нет ее произведений в печати? Если есть отдельные издания, я очень хотела бы их иметь, конечно, за деньги. Привет ей!

Космовичи были в США. Встречались ли Вы с ними? Он очень активен и недоволен мной, что я не

отдаюся белорусской работе целиком. Но я не могу, избрав работу над религией в СССР, не могу концентрировать ее на БССР, тем более, оттуда так мало поступает сведений. Я уже писала, что наиболее активный белорусский элемент высылают из Белоруссии в Карело–Финскую республику и аборигены называют свою республику «Карело–Минской».

Меня приглашали на Конгресс БЦР в США. Но я, конечно, не сдвинулась с места. Стара стала, малоподвижная, да и нет охоты. В мемуарах, конечно, буду писать *обо всем* пережитом на *всех* этапах моего жизненного пути.

Боюсь, что с трудом читаете мое рукописание. Отвыкла писать от руки. Ужасно испортился и без того всегда неразборчивый почерк (родная мама не могла читать моих писем!).

Пока на этом кончаю. Сегодня делали надо мной опять какую–то дикую пробу. И всё напрасно. Я думаю, я просто переработалась до чертиков и все мои жалобы чисто функциональны. Мечтаю поехать куда–нибудь в деревню, пожить с крестьянами, помогать им в работе, чтобы кругом мычали коровы, кудахтали здоровые, свободные, а не выводимые искусственно куры. Я устала от цивилизации, хочу к пенатам своим — в природу. Ее так мало остается в городах.

Целую Вас, Янечка. Очень рада, что у нас опять устанавливается контакт.

Обнимаю.

Дина.

**Надзея Абрамава–Тадаровіч адышла спакойна,
пад сьпеў хору сваёй царквы, 18 лютага 1979 году
й пахаваная ў Мюнхэне на Ёсходніх могілках
(Ostfriedhof).**

Бібліяграфія аргыкулаў Надзеі Абрамавай–Тэадаровіч

- A Fresh Campaign Against Islam in the USSR** // Religion in the USSR. 1960. P. 226—236; The East Turkish Review. 1960. #3. P. 48—57.
- Curricular Changes in Soviet Theological Schools** // Religion in the USSR. 1960. P. 44—59.
- Hemla Gadida ‘alal Islam fil Ittihad al Sovieti** [A Fresh Campaign Against Islam in the USSR] // Arabic Review. 1960. #4. P. 134—143.
- Increasing Pressure on the Moscow Patriarchate** // Bulletin. 1962. October. P. 43—49.
- La Nueva Campana Antirreligiosa** // Estudios sobre la Union Sovietica. 1961. #1. P. 39—45.
- La Situacion de la Iglesia Catolica Romana en los paises del Bloque Comunista** // Estudios sobre la Union Sovietica. 1962. #4. P. 43—59.
- Sovyetler Birliginde Islaml dinine karsi yapilan yeni kovalamar** [New Repressive Measures against Moslems in the USSR] // Dergi. 1962. #26/27. P. 61—74.
- The Belorussian Autocephalic Orthodox Church** // Genocide in the USSR (Munich). 1958. P. 160—165.
- The Belorussian Autocephalous Orthodox Church** // Religion in the USSR. 1960. P. 70—75.
- The Episcopacy and Diocesan Network of the Moscow Patriarchate** // Bulletin. 1961. June. P. 44—53.
- The Fight Against Religion** // Caucasian Review. 1958. #6. P. 152.
- The New Propaganda Campaign Against Religion** // Bulletin. 1960. April. P. 51—56.
- The Political Role of the Moscow Patriarchate** // Bulletin. 1960. September. P. 44—50.
- The Rejuvenation of the Russian Orthodox Clergy** // Religion and the Search for New Ideals in the USSR / Ed. by W. C. Fletcher and A. J. Strover. New York, 1967.

- The Roman Catholics Curricular Changes in Soviet Theological Schools** // Bulletin. 1959. September. P. 30—35.
- The Roman Catholics** // Religion in the USSR. P. 83—89.
- The Russian Orthodox** // Genocide in the USSR (Munich). 1958. #8. P. 203—210.
- The Russian Orthodox Church in the Ukraine** // Ukrainian Review. 1960. #9. P. 100—111.
- Ліквідація Грэко-Католицької Церкви в СРСР** // Український збірник. 1960. №17. С. 76—93.
- Російська Православна Церква в Україні** // Український збірник. 1959. №16. С. 47—1.
- Стан Православної Синодальної Церкви в Україні в 1917 р.** // Український збірник. 1959. №15. С. 93—142.

Улётка з абвесткай пра кнігу Н. Абрамавай.